

Д.П. Ивинский
ИЗ КОММЕНТАРИЯ К СТИХАМ
КН. П.А. ВЯЗЕМСКОГО НА ЮБИЛЕЙ И.А. КРЫЛОВА

Аннотация. Статья посвящена стихотворению Вяземского «Песнь в день юбилея И.А. Крылова», которое рассматривается в связи с общими проблемами интерпретации отношений поэтов. Предпринята попытка описать систему неявных подтекстов стихотворения и осмыслить ее в связи с отношением Вяземского к Крылову как многопланового и сложного, исключающего прямолинейные интерпретации.

Ключевые слова: Крылов; Дмитриев; Вяземский; Пушкин; литературная жизнь.

Ivinskiy D.P. From the commentary on verses Prince P.A. Vyazemskiy on the anniversary of I.A. Krylova

Summary. The article is devoted to Vyazemskiy's poem «A Song on the anniversary of I.A. Krylov», which is considered in connection with the General problems of interpretation of poets' relations. An attempt is made to describe the system of implicit subtexts of the poem and to comprehend it in connection with the attitude of Vyazemskiy's to Krylov as multifaceted and complex, excluding straightforward interpretations.

Keywords: Krylov; Dmitriev; Vyazemskiy; Pushkin; the literary life.

Взаимоотношения литераторов редко развиваются в соответствии со схемами, удобными для исследователей: случаи прекрасной ясности, подразумевающей устойчивую взаимную непереносимость или, наоборот, склонность к заключению стратегических союзов в динамическом пространстве литературной борьбы, –

не редкость, но и не общее правило. Чаще литературные отношения выстраиваются по модели притяжения – отталкивания, когда моменты взаимопонимания, взаимного тяготения и даже единомыслия по каким-то вопросам сочетаются с менее (в одних случаях) или более (в других) выраженным разочарованием, разномыслием по вопросам другим, разобщенностью, обусловленной социально, биографически, психологически. И это не девиация, а норма или ее разновидность: если у поэта нет соперников, врагов, хулигов, то это обычно (за редчайшими исключениями) означает, что он лишен волевого начала, что его творчество никого не задевает и, следовательно, никого или мало кого интересует. К числу этих редчайших исключений относится репутации живых классиков, существующих в атмосфере всеобщего признания.

Таков случай Крылова, вторая половина жизни которого, если оставить в стороне некоторые мелкие детали, прошла именно в такой атмосфере. У него не было явных противников и принципиальных критиков, он же, со своей стороны, почти не вмешивался в литературную жизнь напрямую, участвуя в ней почти исключительно тем, что создавал свои басни, содержащие многочисленные аллюзии на ее действующих лиц.

На этом фоне выделялась позиция Вяземского, который, отнюдь не претендую на роль зоила и гонителя Крылова, попытался укрепить в литературном сознании современников фигуру И.И. Дмитриева, настаивая на том, что признание заслуг одного поэта не должно приводить к забвению другого и что они могут не исключать, а дополнять друг друга в едином литературном пространстве.

Конструкция эта, с точки зрения Вяземского простая и естественная, оказалась то ли слишком сложной для тех современников и потомков, которые обсуждали и обсуждают его неспособность понять величие Крылова, то ли неактуальной в эпоху, когда в русской литературе усиливалась не объединительные, а разъединительные тенденции, обусловленные и литературно-эстетически, и идеологически. В данном контексте приобретает особое значение комплиментарное стихотворение Вяземского, написанное в январе 1838 г. к юбилею Крылова. Приведем его текст:

На радость полу-вековую
 Скликает нас веселый зов:
 Здесь с музой свадьбу золотую
 Сегодня празднует Крылов.
 На этой свадьбе все мы сватья
 И не к чему таить вину:
 Все за одно, все без изъятья,
 Мы влюблены в его жену.

Длись счастливою судьбою,
 Нить любезных нам годов!
 Здравствуй, с милою женою,
 Здравствуй, дедушка Крылов!

И этот брак был не бесплодный,
 Сам Феб его благословил!
 Потомству наш поэт народный
 Своё потомство укрепил.
 Изба его детьми богата,
 Под сенью брачного венца:
 И дети славные ребята!
 И дети все умны – в отца!

Длись судьбами всеблагими,
 Нить любезных нам годов!
 Здравствуй, с детскими своими
 Здравствуй, дедушка Крылов!

Мудрец игривый и глубокий,
 Простосердечное дитя,
 И дочкам он давал уроки,
 И батюшек учил шутя.
 Искусством ловкого обмана,
 Где и кольнет из-под пера:
 Так¹ Пётр кивает на Ивана,
 Иван кивает на Петра.

¹ В изд. Крылов, 1838 и Вяземский, 1862 вместо «так» напечатано «там».

Длись счастливою судьбою,
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с милою женою,
Здравствуй, дедушка Крылов!

Где нужно, он навесть умеет
Своё волшебное стекло
И в зеркале его яснеет
Суровой истины чело.
Весь мир в руках у чародея,
Все твари дань ему несут:
По дудке нашего Орфея
Все звери пляшут и поют.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с детками своими,
Здравствуй, дедушка Крылов!

Забавой он людей исправил,
Сметая с них пороков пыль;
Он баснями себя прославил
И слава эта – наша быль.
И не забудут этой были
Пока по-русски говорят:
Её давно мы затвердили,
Её и внуки затвердят.

Длись счастливою судьбою,
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с милою женою,
Здравствуй, дедушка Крылов!

Чего ему нам пожелать бы?
Чтобы от свадьбы золотой
Он дожил до алмазной свадьбы
С своей столетнею женой.
Он так беспечно, так досужно
Прошёл со славой долгий путь,

Что до ста лет не будет нужно
Ему прилечь и отдохнуть.

Длись судьбами всеблагими,
Нить любезных нам годов!
Здравствуй, с детками своими,
Здравствуй, дедушка Крылов!

(Вяземский, 4: 211–213)

Это стихотворение неоднократно перепечатывалось¹ и может рассматриваться как одно из самых известных у Вяземского, тем более что повторяющееся упоминание о «дедушке Крылове» вошло в культурную память и до сих пор эта формула Вяземского остается важнейшим элементом образа великого баснописца. Но прежде, чем мы что-то скажем о приведенном нами тексте, попробуем сформулировать суть проблемы.

Мы уже успели напомнить о том, что Вяземский не был безусловным поклонником Крылова, предпочитая ему И.И. Дмитриева, и спорил по этому поводу с Пушкиным. Начало серьезному обсуждению этой темы положил сам Вяземский, поместив в своем собрании сочинений две поздние «приписки» к статьям «Известие о жизни и стихотворениях И.И. Дмитриева» и «Жуковский. Пушкин. О новой пиитике басен» (Вяземский, 1: 161–166, 183–185); впоследствии к ней неоднократно возвращались специалисты, см. в частности: Томашевский, 1956: 520–521; Мордовченко, 1959: 298–304; Гилльсон, 1969: 125, 136–137. В сущности, остается признать, что основные факты, связанные с темой «Вяземский – Пушкин – Крылов», давно собраны, не раз обсуждены, и начинать новое их обсуждение, не имея на то серьезной причины, т.е. новых фактов, нецелесообразно: в этом случае все сведется, как и всегда

¹ Впервые: Русский инвалид. 1838. 4 февраля; первые перепечатки: С.-Петербургские ведомости. 1838. 5 февраля; Литературное прибавление к «Русскому инвалиду». 1838. № 7. 12 февраля; Крылов, 1838: 1–4 третьей паг.; вошло во все значимые собрания стихотворений Вяземского; кроме изд. Вяземский см.: Вяземский, 1862: 245–247; Вяземский, 1986: 262–264, примеч. 501. Везде, кроме последнего издания, под заглавием «Песнь в день юбилея И.А. Крылова»; в Вяземский, 1986 заглавие дано по первому стиху.

в подобных случаях, к попытке изложить «старое по-новому», что всегда признавалось занятием малопочтенным.

И все же по крайней мере один вопрос остается нерешенным и почти не обсужденным: это именно вопрос о том, как мог Вяземский, если он не любил Крылова, написать стихотворение, приведенное выше и представляющее собой вполне панегирический опыт. Ср.: «<...> ходячее выражение “дедушка Крылов”<...> восходит <...> к юбилейным стихам, написанным к юбилею Крылова его всегдашним антагонистом Вяземским» (Аверинцев, 2005: 204). Впервые на это противоречие, бросившееся в глаза С.С. Аверинцеву, обратил внимание Н.И. Греч, упомянувший в своих воспоминаниях о юбилейном обеде в честь Крылова, на котором впервые прозвучали стихи Вяземского: «Пели очень хорошие куплеты кн. Вяземского. За несколько лет до того Вяземский в одном послании своем воспевал трех баснописцев “Иванов”: Лафонтена, Хемницера и Дмитриева, а слона-то и не заметил; теперь же возгласил: “Здравствуй, дедушка Крылов”» (Греч, 1886: 501; ср.: Вяземский, 1986: 501; об этом юбилейном обеде см.: Крылов, 1838; Лобанов, 1847: 79–82; Лямина, Самовер, 2017). Можно было бы предположить, что отношение Вяземского к Крылову менялось и от отрицания его значения он пришел к его пониманию и утверждению. Однако никаких оснований для такого предположения не видим; более того, современный исследователь, представив собственный очерк истории вопроса, сочла нужным заметить: «С годами смягчалась позиция Пушкина по отношению к Дмитриеву. Мнение о Крылове не изменялось. Для Пушкина он навсегда остался “самым народным нашим поэтом”. Не изменил своего неприязненного отношения к Крылову и князь Вяземский. В “приписках” к своим старым статьям в 1876 г. Вяземский, скорее, даже усилил негативные черты Крылова и подчеркнул, что не принимал именно его идеологии (“мотива, направления”)» (Дрыжакова, 2009: 306). Но если принять эту точку зрения (требующую, на наш взгляд, серьезных уточнений), поставленный выше вопрос о юбилейном стихотворении 1838 г. приобретает еще большую выразительность и актуальность: если мнение Вяземского о Крылове с годами не менялось или менялось в худшую сторону, то тем более непонятно, зачем он написал свое комплиментарное стихотворение.

В принципе, возможны два ответа на этот вопрос. Первый: он покривил душой, имея в виду какие-то тактические соображения. Какие? Нам они неизвестны, и по этой причине, а также в силу того что способность лавировать и приспособливаться не входила в число ценимых им навыков взаимодействия с литературной средой, данную версию мы оставляем в стороне, считая ее неправдоподобной. Второй, гораздо более, если не единственно, уместный: неприязнь Вяземского к Крылову сильно преувеличена и соответствующие представления должны быть скорректированы. Для этого есть все основания: известные нам статьи Вяземского о Крылове содержат именно сложную оценку его творчества, когда наряду с недостатками (подлинными или мнимыми – вопрос отдельный) обсуждаются достоинства, а более прямолинейная позиция, предполагающая возможность однозначной оценки, отвергается как заведомо неадекватная сложности материала. Собственно, об этом и с полным основанием писал сам Вяземский, не скрывая своего недоумения по поводу именно прямолинейности мышления «литературных оценщиков». Напомним всем известные и почему-то редко воспринимаемые как в полной мере искренние строки из «приписки» 1876 г. к статье об И.И. Дмитриеве (1823):

«Продолжая проверять себя, т.е. прежнего я с нынешним я, после свыше пятидесятилетнего промежутка <...>, могу сказать, что в статье о Дмитриеве вообще остаюсь и ныне при тогдашних моих литературных понятиях и суждениях. Некоторые оттенки могли бы быть изменены или переправлены; но главная основа, главные краски остались бы те же. Те же встречаются и погрешности в слоге и в изложении; но характер и направление в настоящем очерке, может быть, получили развитие еще более определенное и полное, чем в очерке Озерова.

Если что из настоящей статьи могло сохраниться в памяти литературы нашей, и отозвалось гораздо позднее в некоторой части нашей печати, то разве впечатление, что я излишне хвалил Дмитриева и вместе с тем как бы умышленно старался унизить Крылова. Всею совестью своею и всеми силами восстаю против правильности подобного заключения: признаю его ошибочным предубеждением или легкомысленным недоразумением.

В самой этой статье говорю о Крылове с искренним уважением. Говорю, например, что он боролся с Дмитриевым, перерабатывая басни уже им (т.е. Дмитриевым) переведенные, и что мы благодарны ему за его смелость. Далее говорю: “Что, к общей выгоде, дорога успехов, открытая дарованию, не так тесна, как та дорога (т.е. дорога придворная и честолюбия), на коей, по замечанию остроумного Фонвизина, двое, встретясь, разойтись не могут и один другого сваливает”. Стало быть, я признаю Дмитриева и Крылова идущими свободно друг другу навстречу или попутчиками, которые друг другу не мешают и могут идти рядом. За Дмитриевым признаю одно старшинство времени: и, кажется, этой математической истины оспоривать нельзя. У нас многие еще не понимают отвлеченной, тонкой похвалы; давай им похвалу плотную, аляповатую, громоздкую, – вот это так. <...> Статья моя написана была вследствие предложения мне Санктпетербургского Вольного Общества Любителей Российской Словесности, коему Дмитриев подарил рукопись свою и передал право издать ее в пользу Общества. Уместно ли было бы, при такой обстановке, входить мне в подробное рассмотрение высшей или низшей степени дарования того и другого, а еще более признать неоспоримое преимущество Крылова над Дмитриевым. Как я уже сказал: такого безусловного преимущества не признаю. Каждый из них оделен превосходными достоинствами, ему сродными: вкусы могут быть различны и друг друга оспоривать; но общая нелицеприятная оценка здравой критики может и должна воздавать каждому ему подобающее. О бес tactности, о нарушении первых правил вежливости, которые оказал бы я, принося Дмитриева в жертву Крылову в статье, посвященной в честь Дмитриева и в благодарность за подарок его литературному обществу, я уже не говорю: условия и законы ребяческой вежливости (*civilite puerile*), общежитейского приличия, сметливости, литературного и нравственного такта давно уже вычеркнуты из уложения литературного: остается мне только пред новыми законодателями виниться в моей закоснелой отсталости. Не знаю, разделял ли Крылов с другими напущенное против меня предубеждение; но в довольно долгих и постоянно хороших отношениях моих с ним не имел я повода подозревать в нем ни малейшего злопамятства. Впоследствии воспевший и окрестивший дедушку Крылова, так что, с легкой руки моей, это

прозвище было усвоено всею Россиею, не считаю нужным оправдывать себя далее в поклепе, возведенном на меня, а именно, что я не умею ценить дарование великого и незабвенного баснописца нашего. <...> У нас никак в толк не берут, что можно любить одного и не ненавидеть соседа его. Он хвалит Дмитриева: следовательно, он ругает Крылова. Вам нравятся блондинки: следовательно, брюнеток признаете вы уродами. Вы пьете красное вино, стало быть, нечего и потчевать вас шампанским. Извините: я и от шампанского не отказываюсь. Хозяин дома спрашивает за обедом гостя своего, чего хочет он: рюмку ли старого токая или старого кипрского вина? I tego i drugiego, отвечал поляк. И я тоже говорю: давайте мне Дмитриева и давайте мне Крылова. Нельзя не удивляться способу мышления и домашней логике рецензентов наших. Узка глотка их, узко их и зрение: в одной сейчас запершил, другое не обнимает двух предметов в настоящем виде каждого из них. Пристрастие за или против есть своего рода хмель. Он отемняет или искаляет светлый и здравый рассудок и трезвую рассудительность. Может быть, ошибаюсь и льщу себе напрасно; но мне сдается, что я природою одарен этою трезвостью. <...> Просвещенный любитель живописи образует картинную галерею свою не из одних произведений одного и того же мастера, одной и той же школы. Он любит и умеет ценить разнообразие кисти. И в литературе найдутся охотники, которые прочтут с удовольствием басню Крылова, но прочтут с удовольствием и басню Дмитриева. Между таковыми знал я, например, Жуковского, Батюшкова, Дашкова, Блудова и других. Не ставлю Дмитриева выше Крылова; но не ставлю и Крылова выше Дмитриева. Сочувствия мои идут не пираидально».

(Вяземский, 1: 153–156, 165)

Итак, Вяземский заявляет, что в 1876 г., когда он набрасывал этот текст, он ни в чем не готов скорректировать свою позицию, заявленную им в 1823 г.; что в статье об одном поэте (Дмитриеве) похвалы другому поэту (Крылову) и тем более признание его превосходства над тем, кому посвящена статья, выглядели бы как всплюющая бестактность; что при этом, обсуждая Крылова и Дмитриева, он исходил и исходит не из необходимости признать превосходство одного над другим, а из понимания того, что они

«идут рядом», «не мешая» друг другу. Этую свою позицию, в которой, в отличие от современного исследователя, мы не видим ничего «достаточно нелепого» (Дрыжакова, 2009: 289), Вяземский подкрепляет не только замечанием о том, что злопамятность Крылова по отношению к нему никак себя не проявила, но и упоминанием об интересующем нас здесь комплиментарном стихотворении 1838 г., которое с очевидностью раскрывает подлинное отношение Вяземского к заслугам Крылова.

Разъяснив все это, Вяземский останавливается на тех особенностях басенного творчества Крылова, которые оставались Вяземскому чуждыми (не отменяя общей высокой оценки Вяземским его дарования), – и прямо говорит о том, чего же у Крылова *не любит*:

«В Крылове не люблю мотива, направления, морали или заключения некоторых из басней его. Например, басня: “Сочинитель и Разбойник”. В ней, конечно, есть некоторая доля правды; рассказана она живо и мастерски; конец ее превосходен:

*Сказала гневная Мегера –
И крышикою захлопнула котел.*

Последний стих поразительно хорошо удачен и живописен. Но, признаюсь, по моим понятиям, как-то неловко и неблаговидно сочинителю, т.е. поэту, выводить рядом на очную ставку разбойника и сочинителя, и еще с тем, чтобы отдать преимущество разбойнику перед сочинителем. Найдутся и без поэта люди, которые охотно выведут такое заключение и подпишут подобный приговор. Нам, людям пера, не подобает мирволить и потакать таким беспощадным осуждениям. По содержанию басни можно предполагать, что Крылов имел в виду Вольтера. Следующие стихи наводят на эту догадку:

*И вон опоена твоим ученьем,
Там целая страна
Полна
Убийствами и грабежами,
Раздорами и мятежами
И до погибели доведена тобой.*

По счастью для Вольтера, если есть тут Вольтер, стихи, произносимые Мегерой, довольно плохи. Но будь они и лучше, все не

желал бы я видеть, что с согласия Крылова захлопнулась крышка котла над Вольтером или другим великим писателем, хотя и великим грешником. Питаю надежду, что в таком случае и сама Мегера могла найти некоторые обстоятельства, облегчающие вину того, который

Был славою покрытый сочинитель.

Заметим мимоходом, что и здесь не посчастливилось Крылову: стих нехорош и выражение покрытый славою неправильно и неживописно.

Не нравится мне, хотя и не в такой степени, как предыдущая, и другая басня: «Огородник и Философ». И здесь как будто есть тенденция. Не рано ли у нас смеяться над философами и теми, которые читают, выписывают, справляются, как указано в басне. Правда, автор говорит о недоученном философе. Но всякий ли поймет эту оговорку? Большая часть читателей зарубят себе на памяти одну мораль басни:

*А философ
Без огурцов, –*

и придут к заключению, что лучше, выгоднее и скорее в шляпе дело не быть философом. Два эти стиха, выражением и складом своим, так и просятся в пословицы. Тем хуже».

(Вяземский, 1: 161–162)

Как видим, претензии Вяземского к Крылову серьезны, имеют не только литературный, но и идеологический, характер¹, но при этом высказываются не без оговорок («если есть тут Воль-

¹ Другое дело, что выстраивать на этой основе соответствующий образ литературных отношений и, скажем, противопоставлять Пушкина и Крылова Вяземскому, как это сделано в недавней работе (Дрыжакова, 2009), вряд ли целесообразно хотя бы потому, что у идеологов «литературной аристократии» всегда будет больше общего, чем у кого-то из них с любым, сколь угодно почитаемым, литератором из другого круга. Разногласия Пушкина и Вяземского и по вопросу о «патриотизме», и по вопросу о «просвещении», при всей их важности, – это *внутренние, если угодно внутрикружковые*, разногласия, причем отнюдь не антагонистические, не отменяющие ни глубокого взаимопонимания, ни стратегического единства в литературно-общественной борьбе.

тер», «правда, говорит он о недоучившемся философе») и сочетаются с готовностью обсуждать Крылова «с искренним уважением». Во всяком случае, именно сложная, двойственная и при этом сочувственная к Крылову версия Вяземского разъясняет обратившую на себя внимание Н.И. Гречу готовность его и дистанцироваться от Крылова, и хвалить его.

Приведем теперь еще одно свидетельство, исходящее теперь из среды Вяземского (разъясняющее попутно и причины особой чуткости Грече к стихам Вяземского). 1 (13) мая 1838 г. из Рима Гоголь писал А.С. Данилевскому:

«На днях я получил письмо от Смирнова. Он упоминает, между прочим, об обеде, данном Крылову по случаю его пятидесятилетней литературной жизни. Я думаю, уже тебе известно, что государь, узнавши об этом обеде, прислал на тарелку Крылову Станислава 2-й степени. Но замечательно то, что Греч и Булгарин отказались быть на этом обеде, но, когда узнали, что государь интересуется сам, прислали тотчас просить себе билетов. Но Одоевский, один из директоров, им отказал, тогда они нагло пришли сами, говоря, что им приказано быть на обеде, но билетов больше не было, и они не могли быть и не были. Смирнов прибавляет, что Булгарин, на возвратном пути в Дерпт, был кем-то, вероятно, из дерптск^и студентов так исправно поколочен, что недели две пролежал в постели. Этого наслаждения я не понимаю. По мне, поколотить Булгарина так же гадко, как и поцеловать его. По случаю этого празднества были написаны и читаны на нем же стихи – одни, Бенедиктова, незамечательны, другие, кн. Вяземского, очень милы и очень умны и остроумны. Они были петы. Музыку написал Вельегурский. Вот они <...>».

(Гоголь, 11: 149)

Далее следовал текст Вяземского. Обратим внимание на два обстоятельства. Первое: Гоголь, который в 1838 г. был уже хорошо осведомлен в хитроспленииах литературных отношений своего времени, ничуть не удивлен ни тем, что именно Вяземский написал похвальную песнь Крылову, ни тем, что Булгарин, некогда печатно пенявший Вяземскому за недооценку Крылова и восторжен но оценивавший его сочинения, не был допущен на его праздник.

Второе: стихи Вяземского Гоголь находит не только «милыми» и «умными», но и «остроумными» – настолько, что считает нужным сообщить их адресату. Конечно, нам никогда не узнать, что именно показалось ему в этих стихах «остроумным», но самый факт признания их таковыми важен: у нас нет оснований думать, что Гоголь ограничивается дежурной похвалой, отсылающей к кружковой репутации Вяземского как «острослова и памфлетера», а следовательно, мы вправе истолковать его замечание и как указание на соотнесенность пьесы Вяземского с широко понимаемой традицией светского остроумия. Не предвосхищая выводов, просто зафиксируем эту возможность. Но как только мы ее зафиксировали, признавая ее тем самым по крайней мере не равной нулю, выясняется, что у нас появляется некоторое основание прочесть текст Вяземского с учетом возможного влияния этой традиции.

Есть и другое основание для поисков в этом направлении: важно понять, отразилась ли в этом тексте свойственная Вяземскому и им отрефлексированная *сложность* восприятия и оценки Крылова. Ясно, что в юбилейном стихотворении, да еще и рассчитанном на публичное исполнение, не может быть ни открытых, ни прикровенных полемических выпадов: сам избранный поэт жанр накладывает на него жесткие и общепонятные ограничения. Однако «фоновые», понятные немногим, как бы необязательные и во всяком случае не выдвигающиеся в центр смысловой конструкции, шуточные подтексты и в этом жанре вполне возможны. Присмотримся повнимательнее к тексту Вяземского.

Итак, избранные «святыя», т.е. поэты, присутствующие на юбилее Крылова, «влюблены» в его «столетнюю жену», которая является и его музой: прозрачное указание на 100 лет истории русской поэзии (за точку отсчета принимается, очевидно, ломоносовская ода на взятие Хотина: 1739 г., когда она была написана, и 1838 г. разделены именно столетием). Соответствующим образом, Крылов оказывается женат не только на своей музе, но и на музе русской поэзии, замыкая в этом качестве *мужа* всю ее столетнюю историю и выступая в роли главы российского Парнаса. Но в этой точке наивысшей (пусть и облеченной в игровую форму) похвалы начинают формироваться условия для эпиграммы: брак *дедушки* Крылова со *столетней* музой, все свои плоды, естественно, принес в прошлом, а сейчас он уже ничего не обещает. Но воз-

можная эпиграмма эта, будучи намеченной, или, лучше сказать, подготовленной не только объективными обстоятельствами (почтенный возраст Крылова), но и игрой Вяземского с темой престарелой музы, не только не реализуется¹, но и оборачивается своей противоположностью, т.е. очередной похвалой. Мало того что *столетняя* жена оказывается *милой*, *супругов* окружают *детки* и влюбленные в нее поклонники русской литературы и дарования Крылова, так вдобавок уже *пройденный путь* объявляется и *славным*, и в каком-то смысле длящимся, т.е. *пройденным* не до конца, и выясняется, что до своего столетия юбиляр не будет нуждаться в отдыхе. Так возникает ряд специфических двусмысленностей: путь «дедушки» пройден – но время для отдыха наступит не скоро; «дедушка» в прошлом, но принадлежит настоящему; его жене 100 лет – но в нее влюблены еще не состарившиеся поэты; эпиграмма сложилась – но обернулась градом комплиментов. На все это, в принципе, можно было бы закрыть глаза, если бы форма «минус-эпиграммы»² мелькнула один раз и на этом все закончилось. Но форма эта воспроизводится еще, как минимум, дважды, и едва ли не более изощренно.

В третьем куплете своей похвальной песни Вяземский варьирует тему басни Крылова «Зеркало и Обезьяна», упоминая о Петре и Иване, «кивающих» друг на друга. Здесь, как известно (Вяземский, 1986: 501), имеется в виду следующее место оригинала:

*Что Климыч на-руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают.
А он украдкою кивает на Петра.*

¹ В этом случае она неизбежно актуализировала бы выразительный контекст темы графа Д.И. Хвостова, в сознании литераторов круга Вяземского выступавшего именно в амплуа «престарелого поэта», которого еще юный Пушкин в лицейском послании «Моему Аристарху» (1815) называл «конюшим дряхлого Пегаса» и «родителем стареньких стихов».

² На этом названии обсуждаемой формы («приема») отнюдь не настаиваем; во избежание недоразумений отметим, что вводимый нами условный термин никак не связан с понятием «минус-приема»: последний предполагает, что нечто ожидаемое не реализуется, в нашем же случае речь идет о неявном, «фоновом» выстраивании *возможности* развертывания смысла, *которого никто не ждет*, после чего смысл этот переворачивается именно в план *ожидаемого и предписанного* жанровой традицией.

Процитировав эту басню и вызвав этот ее текст в памяти читателей, Вяземский в следующей строфе развивает тему зеркала, но уже в связи не с Обезьяной, а с автором басни, «передавая» это зеркало из лап первой в руки второго, который и оказывается (вторым после Обезьяны) владельцем зеркала («волшебного стекла») и наводит его, куда и «где нужно». Эпиграмма почти готова: ясно ведь, что, виртуозно обращаясь с зеркалом, поэт наводит его на других, но не на себя, и совет Мишки из «Зеркала и Обезьяны» («Не лучше ль на себя, кума, оборотиться») в этом смысле пропадает втуне. Но, опять-таки, вместо того чтобы оформить эпиграмму до конца, обратив текст Крылова против него самого, Вяземский, как и в рассмотренном выше примере, разрешает ситуацию новым списком похвал, и Крылов объявляется «чародеем», у которого «в руках» «весь мир», а в зеркале – если не лик, то «чело» «суровой истины». При этом сказанное о зеркале Крылова-чародея прямо перекликается со сказанным некогда о Дмитриеве, ср.: «На предрассудки и пороки // Зерцало басни наведи» (Вяземский, 3: 263) – другое дело, что вспомнить в 1838 г. текст посвященного Дмитриеву стихотворения Вяземского 1822 г. были способны немногие.

И тут же следует еще одна минус-эпиграмма, на этот раз двойная, если не тройная. Крылов уподобляется Орфею, и в этот момент возникает возможность отождествления его столетней музы, она же русская поэзия, с Эвридикой. Далее в эту сторону Вяземский не делает ни шагу, понимая и то, что Эвридике, согласно общезвестному мифу, полагалось бы не сопровождать Орфея до его / ее столетия, а умереть вскоре после замужества, оставив его безутешным, и то, что в случае хотя бы намека на возможность развития темы в этом направлении комплиментарная песнь неизбежно взорвется откровенной издевкой в роде «арзамасских» или посильнее. Зато выясняется, что этот Крылов-Орфей играет на «дудке», слушая которую «все звери пляшут и поют», подчиняясь мелодии подобно жертвам Крысолова из немецкой легенды, зафиксированной и в сборнике Арнима и Брентано (1805), и из «Крысолова» Гёте (1803). И вновь повторяется известная нам последовательность: как только возникают условия для формирования эпиграммы, она оборачивается похвалой: в данном случае игра Крылова-Орфея лишь подтверждает его виртуозность, покоряющую

мир. Наконец, одновременно со всем перечисленным, возникает третья проекция темы Орфея, на этот раз – на крыловское «Послание о пользе страстей» (впервые: Драматический Вестник. 1808. Ч. 5). Здесь находим: «Чтоб приобресть внимание людей, // На трех струнах поет богов Орфей». У Вяземского Крылов-Орфей поет не богов, а зверей, и приобретает их же, а не людей, внимание, и они же, звери, выступают в роли «пляшущих и поющих» его почитателей. Нужно ли говорить о том, что и эта эпиграмматическая проекция не была реализована и, подобно всем прочим, в *проясненном* виде выглядит произвольной? Собственно, только регулярная воспроизведимость формы минус-эпиграммы позволяет уверенно «диагностировать» само ее наличие в пьесе Вяземского.

Но зачем Вяземскому понадобилась игра с именами Петр и Иван? Почему он воссоздает ситуацию крыловской басни «Зеркало и Обезьяна», пересматривая ее текст (никакого Ивана, как мы помним, в ней не было) именно таким образом, а не как-нибудь иначе? Законность этого вопроса обусловлена, в частности, тем фактом, что имена эти не просто и даже просто не имена каких-то басеных персонажей, а имена самих Вяземского и Крылова. Поэтому вернемся к цитате из Грече о трех Иванах. Греч имел в виду, конечно, послание Вяземского «Ивану Ивановичу Дмитриеву (В день его именин)» (1822) (см. о нем: Дрыжакова, 2009: 287–299), запомнившееся именно Гречу не только потому, что в свое время он напечатал его в своем журнале (см.: Вяземский, 1822): через год, когда из печати вышли две части собрания стихотворений Дмитриева с предисловием Вяземского (Дмитриев, 1823), Булгарин счел нужным перевести вопрос о Крылове и Дмитриеве из литературной сферы в публичную и в своей рецензии на это издание предпринял попытку защиты Крылова от Вяземского (Булгарин, 1824: 81–83), который отвечал ему (и, вероятно, не только ему, но и А.А. Бестужеву, на которого в какой-то мере ориентировался Булгарин [Гиллельсон, 1969: 135–136]) в журнале Грече (Вяземский, 1824). Позднее Булгарин, не имевший оснований считать, что ему удалось взять верх над Вяземским, подробно изложил всю эту историю, разумеется со своей точки зрения, и попытался опереться на Крылова, будто бы солидаризировавшегося с его, Булгарина, мнением и даже написавшего на Вяземского басню «Прихо-

жанин» (см.: Булгарин, 1844: 34–35; Кеневич, 1868: 194–195; то же: Кеневич, 1878: 207–208).

Неизвестно, соответствует ли последнее утверждение истине¹, но если да, то появляются некоторые основания считать, что Вяземский в разбираемых здесь стихах на юбилей Крылова постарался подвести черту под прежними разногласиями и обидами, то ли подлинными, то ли мнимыми (нет оснований полагать, что он пытался объясняться с Крыловым напрямую), а потому, отметив его способность «кольнуть из-под пера», поиграл своим и его именами, благо они принадлежали к числу наиболее распространенных и не могли рассматриваться как серьезное свидетельство его намерения указать на их личные отношения, и свел весь «конфликт», не придавая ему принципиального значения, к комическому басенному и общечеловеческому «киванию»: Петр *кинулся* на Ивана (или Иванов, выделив одного и не поторопившись воздать должное и другому), Иван *кинулся* на Петра – эпиграммой, лишенной прозрачного биографически-литературного подтекста и в этом смысле не требующей дешифровки как непременного условия понимания текста. Но точно так же Вяземский построил свой опыт с «мерцающими» и необязательными эпиграммами в похвальной «песне» Крылову. Разумеется, ни искренность, ни жанровая адекватность этой «песни» никак не пострадали, будучи лишь слегка подсвечены почти неразличимой «арзамасской» веселостью. Только это отделяет стихи Вяземского от, скажем, напечатанной в «Современнике» панегирической не без патетики статьи П.А. Плетнева, попытавшегося обсудить особенности литературного пути Крылова в связи с его юбилеем (Плетнев, 1838).

¹ Вяземский откликнулся на статью Булгарина резкой эпиграммой «К усопшим льнет, как червь, Фиглярин неотвязный», в которой сравнил его с гоголевским Чичиковым, скучающим мертвые души (Вяземский, 2: 492); судя по письму Вяземского к Жуковскому от 30 января 1845 г., он был всерьез рассержен рассказом Булгарина о Крылове, задетом нападками Вяземского и утешенном сочувствием такого тонкого ценителя изящного, как Булгарин, однако понять, поверил ли Вяземский Булгарину, из этого письма трудно (см.: Гилльсон, 1980: 51). Версию Булгарина поддерживает свидетельство В.А. Олениной (Оленина, 1902: 75; об отношениях Крылова с Олениными см.: Речицкий, 1996); и, косвенно, – наличие в его архиве «автографа Крылова» – «двух первых строчек этой басни» (Крылов, 4: 427).

Между тем статья эта была напечатана сразу после другой, авторства того же Плетнева, посвященной «литературным утратам» и содержавшей столь же панегирические рассуждения о Карамзине, Дмитриеве и Пушкине (Плетнев, 1838 а: 42–56). Становится очевидным, что именно в этот ряд встраивался Крылов «пушкинским» – в недавнем прошлом – «кругом», и «юбилейный обед» со стихами Вяземского стал своего рода наглядной демонстрацией данной позиции: никто из них, и Вяземский в особенности, не собирался «отдавать» Крылова ни его давнему поклоннику Булгарину, ни Полевому, за несколько месяцев до того отметившемуся юбилейной статьей о Крылове (Полевой, 1837). Стихи Вяземского стали важнейшим элементом всей конструкции: они полностью снимали вопрос о его разногласиях с Крыловым, остававшихся единственным и, как выяснилось, незначительным препятствием для ее создания, уводя их на периферию слabo (или даже не) различимых смыслов.

-
1. *Аверинцев, 2005 – Аверинцев С.С. Собр. соч.: Связь времен. Киев, 2005.*
 2. *Булгарин, 1824 – Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева, издание шестое, исправленное и уменьшенное <...> Литературные Листки. 1824. № 2. С. 59–64. Подпись: Ф.Б.<улгарин>.*
 3. *Булгарин, 1844 – Воспоминания об Иване Андреевиче Крылове и беглый взгляд на характеристику его сочинений. Ф.Б.<улгарина> // Северная Пчела. 1844. № 8. С. 30–32; № 9. С. 34–36.*
 4. *Вяземский – Полн. собр. соч. Князя П.А. Вяземского. Издание Графа С.Д. Шереметева. Т. 1–12. СПб., 1878–1896.*
 5. *Вяземский, 1822 – Ивану Ивановичу Дмитриеву. (В день его именин) // Сын Отечества. 1822. № 48. С. 82–83. Подпись: К.<нязь> Вяземский.*
 6. *Вяземский, 1824 – Несколько вынужденных слов // Сын Отечества. 1824. № 14. С. 308–312. Подпись: К.<нязь> Вяземский.*
 7. *Вяземский, 1862 – В дороге и дома. Собрание стихотворений князя П.А. Вяземского. М., 1862.*
 8. *Вяземский, 1986 – Вяземский П.А. Стихотворения. Л., 1986 (Библиотека поэта: Большая серия: Издание третье).*
 9. *Гилльсон, 1969 – Гилльсон М.И. П.А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969.*
 10. *Гилльсон, 1980 – Гилльсон М.И. Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 51.*

11. Гоголь – Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: <в 14 т.> / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). <М.; Л.> 1937–1952.
12. Греч, 1886 – Записки о моей жизни Н.И. Греча. СПб., 1886.
13. Дмитриев, 1823 – Стихотворения Ивана Ивановича Дмитриева. Издание шестое, исправленное и уменьшенное. Ч. 1–2. СПб.: В типографии Н. Греча, 1823.
14. Дрыжакова, 2009 – Дрыжакова Е.Н. Вяземский и Пушкин в споре о Крылове // Пушкин и его современники: Сб. научных трудов. Вып. 5 (44). СПб., 2009. С. 285–307.
15. Кеневич, 1868 – Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. Составил В. Кеневич. Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1868.
16. Кеневич, 1878 – Библиографические и исторические примечания к басням Крылова. Составил В. Кеневич. Второе издание, с приложением материалов для биографии И.А. Крылова, им же собранных. СПб., 1878.
17. Крылов – Полн. собр. соч. И.А. Крылова. Т. 1–4 / Редакция, вступительная статья и примечания В.В. Каллаша. СПб., 1904–1905.
18. Крылов, 1838 – Приветствия, говоренные Ивану Андреевичу Крылову в день его рождения и совершившегося пятидесятилетия его литературной деятельности, на обеде 2 февраля 1838 г. в зале Благородного Собрания. СПб., 1838.
19. Лобанов, 1847 – Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова. Сочинение Академика Михаила Лобанова. СПб., 1847.
20. Лямина, Самовер, 2017 – Лямина Е.Э., Самовер Н.В. Крылов и многие другие: генезис и значение первого литературного юбилея в России // Новое литературное обозрение. 2017. № 3 (145). С. 158–177.
21. Мордовченко, 1959 – Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959.
22. Оленина, 1902 – Оленина В.А. Иван Андреевич Крылов // Литературный архив, издаваемый А.А. Карташовым. СПб., 1902. С. 73–77.
23. Полевой, 1837 – Иван Андреевич Крылов // Живописное обозрение достопамятных предметов наук, искусств, художеств, промышленности и общежития <...>, издаваемое Августом Семеном. 1837. Ч. 3. С. 22–24. Без подписи.
24. Плетнев, 1838 – Праздник в честь Крылова // Современник. 1838. Т. 9. С. 57–70. Без подписи.
25. Плетнев, 1838 а – О литературных утратах // Современник. 1838. Т. 9. С. 27–56. Без подписи.
26. Речицкий, 1996 – Речицкий И.Х. Крылов и Оленины // XVIII век. Сб. 20. СПб., 1996. С. 241–248.
27. Томашевский, 1956 – Томашевский Б.В. Пушкин. Книга первая (1813–1824). М.; Л., 1956.